Секта. Невероятная история девушки, сбежавшей из секс-культа

Автор:
Бекси Кэмерон

Секта. Невероятная история девушки, сбежавшей из секс-культа

Бекси Кэмерон

Феникс. Истории сильных духом

Мемуары девушки, сбежавшей из знаменитого религиозного секс-культа «Дети Бога». По книге снимается сериал с Дакотой Джонсон в главной роли.

Родители-хиппи Бекси присоединились к религиозной секте «Дети Бога», потому что верили в свободную любовь. Но для детей жизнь в коммуне значила только тяжелый труд, телесные наказания, публичные унижения и бесконечный контроль. Бекси было всего десять лет, когда ее наказали «ограничением тишины», запретив целый год разговаривать с кем бы то ни было. В секте практиковались проституция и педофилия; члены культа постоянно переезжали, скрываясь от полиции и ФБР.

В пятнадцать лет Бекси сбежала из секты, оставив своих родителей и одиннадцать братьев и сестер. Много лет спустя она снова отправляется в путешествие по разбросанным по всей Америке религиозным коммунам, чтобы узнать, как живут в них дети, как и она, ставшие заложниками миров, созданных фанатиками. Это невероятное путешествие не только вскрывает ужасную изнанку религиозных коммун и сект, но также показывает, как можно примириться со своим прошлым и исцелиться от травм, нанесенных родителями.

«Мощная, прекрасная и потрясающе написанная история – настолько, что Дакота Джонсон и Райли Кио купили права на сериальную адаптацию». – The Glamour

«Большая часть книги невероятно мрачная – будто находишься в сеттинге "Рассказа служанки". Читаешь и чувствуешь, как внутри закипает гнев. Только выбравшись из секты, Бекси узнала, что планете больше 6000 лет. И знаете, как это произошло? На викторине, устроенной в пабе…» – Daily Mail

«Мир, в котором росла Бекси Кэмерон и который она описывает, воспринимается как будто бы вымышленный – настолько он мрачен и антиутопичен». – Irish News

«Смелая и глубоко трогательная история об отваге и силе духа». – Дакота Джонсон, актриса.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Бекси Кэмерон

Секта. Невероятная история девушки, сбежавшей из секс-культа

Эту книгу я посвящаю детям, с которыми росла.

Тем, кто процветает, тем, кто все еще переживает травму, тем, кто боролся, тем, кто «сделал это», и тем прекрасным душам, которые решили, что этот мир с его страданиями больше не для них.

Увидимся на той стороне.

Bexy Cameron

CULT FOLLOWING: MY ESCAPE AND RETURN TO THE CHILDREN OF GOD

Copyright © Bexy Cameron, 2021

Published by arrangement with Rachel Mills Literary Ltd

© Пизинцали Я. И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Расскажи мне все: 15 лет спустя

«Пожалуйста, расскажи мне все».

Вот что мне случается слышать в пабе, на домашних вечеринках в четыре утра, за рабочим столом. Просить об этом может мой друг или кто-нибудь совсем незнакомый. Кто-нибудь с лицом, исполненным жалости, вспотевшим от волнения, серьезным или даже доброжелательным.

«Расскажи мне все», – говорят люди, узнав, что я – «девушка из секс-культа».

Из-за этого я сейчас, через двадцать лет после того, как покинула «Детей Бога», нахожусь здесь.

Мой пикап припаркован в бескрайней пустыне, посреди звездной аризонской ночи. Я сижу, окруженная звуками остывающего двигателя («тик-тик-тик») и неглубокого дыхания Софи, моей подруги и коллеги-киношника, спящей позади меня. Я бросила свой дом в Лондоне, сестер и братьев, работу, чтобы воссоединиться заново с миром сект и религиозных общин.

Фраза «расскажи мне все» взводит мой мозг, как курок, мгновенно. В нем вспыхивают воспоминания, а тело мое становится пустым и немеет. Не потому, что я боюсь выпустить наружу тьму или обнажить перед вами свою историю, и

даже не потому, что это может оказаться моментом, когда то, как вы воспринимаете меня, необратимо изменится. Просто болтовня в пабе, третий-четвертый час ночи после вечеринки и разговор за чашкой чая или кофе на работе не дают достаточно вовлеченности, места и времени для того, чтобы ты мог рассказать кому-то «все».

Среда, в которой я родилась, была столь же банальной, сколь и невероятной, настолько травмирующей, насколько и обыденной для меня, и в такой же степени сложной, в какой – контролируемой. И, возможно, я только что описала «взросление», возможно, мое и ваше детство были похожи больше, чем мы думаем.

Добившись большего, чем оставившая секту, я, пятнадцатилетняя, могла бы вообразить, я все еще чувствую себя самозванкой. Сейчас, сидя здесь, за пять с лишним тысяч миль от дома, успев побывать в йогической общине, племенах армагеддонистов и космологов в Седоне, сражаясь с моими демонами и самой собой, – я это ощущаю, пожалуй, острее, чем когда-либо. Это были четыре месяца путешествия, которое все еще выглядит далеким от завершения.

Рассказать вам все… Что я могу за пять минут открыть вам такого, что позволит понять, каково это – расти в «секс-культе»?

Хотите послушать о поколении детей, взбудораженных войной во Вьетнаме, искренне веривших, что мир катится в тартарары? О харизматичном лидере, давшем им цель в жизни, спасшем от семей, куда они не вписывались, от наркотической зависимости или попросту – ужаса перед перспективой стать частью среднего класса и кем-то нормальным?

Предпочтете узнать о том, как из меня изгоняли бесов? О том, как матери становились прославленными проститутками Иисуса? О том, что мои родители выступают во всех медиа Великобритании и за ее пределами, стремясь защитить систему, которая подвергала абьюзу тысячи детей?

Или хотите историю о том, как летом мы с братьями бегали по Африке, будто дети-дикари? О невыразимо жарких днях, когда я дремала в Индии на холодном полу, чувствуя себя так, словно я сейчас в нормальной семье?

Станет вам легче, если вы будете знать, что там, откуда мы родом, мое детство считают счастливым, что мы с сестрами называем себя везунчиками, потому что «наш папа не педофил»?

Даст ли вам что-то из этого представление о том, кто я есть, или о мире, в котором мне довелось расти?

Какие-то вещи вы несомненно могли бы понять. Но осколки знания вне большого контекста лишь отдалят вас и от меня, и от того, что истории, подобные этой, могут поведать нам. О базовых человеческих потребностях – в связи и цели. О выживании в детстве, о дарах, которые способна принести травма, и, возможно, о том, что мы – надеюсь, и я тоже – имеем шанс узнать о прощении.

Но сейчас, поглаживая пальцами такую реальную приборную панель пикапа, воплощение моего представления о такой реальной американской авантюре, я все еще не могу взять в толк, как все это привело меня сюда.

Да, да, – я пыталась понять родителей, разобраться в моей запутанной истории с сектой, причинившей столько вреда, подступиться немного ближе к «моей правде». И все же я чувствую, что сидеть здесь – идея довольно бредовая.

Я бы очень хотела, чтобы вы думали, будто я – воин, восставший из пепла культа, или герой, исправляющий ошибки прошлого, или режиссер с генеральным планом в кармане. Меня бы устроило даже, считай вы меня объективным исследователем, готовым в неискаженном виде показать наблюдаемое – тайны, что мне удалось раскрыть, или опыт, который я получила. Но на самом деле я понятия не имею, что делаю. Серьезно.

Постукивание двигателя становится медленнее, запах бензина рассеивается в воздухе. Мой разум взмывает с переднего сиденья машины. Я поднимаюсь над самой собой, затормозившей в пустыне, взлетая выше и выше, пока мой пикап «Форд» не превращается в крошечную точку посреди пустоты. В безвестности. Я высоко над грузовиком, который словно везет меня сквозь время, пространство, веру, травму и исцеление. Этот пикап – мои крылья в паломничестве по пути, полному срывов, аварий, чуваков, бодяжащих мет, монахов и армагеддонистов-мыловаров. В паломничестве с надеждой на то, что к концу его я смогу рассказать вам все.

1

Ловцы душ: 1968 год

Пророк.

Педофил.

Диктатор.

Дедушка.

Дэвид Берг, Папа. Отец Берг, Моисей Дэвид. Король… Вот лишь некоторые из имен лидера «Детей Бога», секты, в которой я родилась и росла до пятнадцати лет. До подросткового возраста я даже не знала, каков он внешне. Мы, дети, звали его Дедулей. Личность его была настолько таинственной, что нам не показывали даже его фотографий: мы взрослели, окруженные его рисованными портретами-комиксами. Таковы диктатуры, управляемые авторитарными вождями, – лидера не коснешься и не увидишь.

Мы читали его новые писания ежедневно. Все, что он делал, документировалось. Сны. Заявления. Активность кишечника. О да, члены секты готовы были записывать, как и где он ходил срать, а после – читать об этом.

Оглядываясь назад уже будучи взрослой, я могу сказать, что он был догматичным, зацикленным на сексе нарциссом, изрекающим тарабарщину. Испорченным, опасным извращенцем. В моем детстве его образ источал всемогущество и силу, заставлявшую теряться, но также он был совершенно обычным, – в том смысле, в каком обычен воздух, которым дышишь. Он был нашей повседневностью, он был повсюду, а его неуравновешенный разум в одно мгновение мог изменить наши жизни.

Понять, кто же он все-таки, не так просто. Он не был красив, как Чарльз Мэнсон, или даже как Дэвид Кореш[1 - Дэвид Кореш – американский религиозный деятель, лидер секты «Ветвь Давидова». Погиб в 1993 году во время осады поместья «Маунт Кармел» агентами ФБР. (Здесь и далее – прим. ред.)].

Лысеющий седой мужчина с ввалившимися глазами, родившийся в двадцатых, каким-то образом умудрился убедить тысячи людей оставить привычную жизнь и последовать за ним. Тысячи людей, включая женщину из крошечной деревушки в Дербишире и мужчину из приморского города в Кенте. Моих родителей. Не будь его, они могли бы не пожениться. И я задаюсь вопросом – не будь его, родилась ли бы я вообще?

История о Дэвиде Берге, которую я знала, сфабрикована им самим, сверстана из рассказов, что он набрасывал пером своей грандиозности. Мне ненавистна необходимость уделять ему время в своей книге – словно мало того, сколько в моем детстве было замарано этим дерьмом. Но в путешествии к прошлому и истории моих родителей мне нужно вернуться к источнику, а источником является Дэвид Берг.

Если я хочу понять родителей и саму себя, я должна попробовать разобраться в том, кто он и как вышло, что неудавшийся проповедник с явными отклонениями смог вдохновить религиозное движение мирового масштаба, в определенный момент насчитывавшее 25 тысяч последователей?

В сущности, думаю, я хочу знать, каким образом Дэвид Берг «обжулил» моих родителей.

* * *

Это путешествие – как и сама история – начинается задолго до моего рождения, еще в шестидесятые, пусть и не с истории моих родителей, и вовсе не с истории Дэвида Берга. Начало именно там, нравится мне это или нет. Так мне рассказывали о создании нашего движения, когда я была маленькой: шестидесятые – точка, в которой произошел наш личный Большой взрыв.

Поздние шестидесятые были, бесспорно, временем серьезных перемен, десятилетием, которое дало начало множеству культов.

Несколько лет назад я была в Лондоне на выставке под названием «Революция». Мне хотелось посмотреть на шестидесятые свежим взглядом. Едва войдя, я немедленно оказалась втянутой в мир поэзии, разнообразных общественных движений, искусства и культурных сдвигов. Оказалось, что мне было достаточно

услышать стихи Боба Дилана в музейном аудиогиде, увидеть фото беспорядков на расовой почве и ощутить, как до меня доносятся звуки Eve of Destruction[2 - «Eve of Destruction» – протестная песня, написанная в 1964 году, в которой упоминаются социальные проблемы того времени: война во Вьетнаме, угроза ядерной войны, Движение за гражданские права чернокожих, беспорядки на Ближнем Востоке и американская космическая программа. Известна в исполнении Барри Макгуайра (англ. Barry McGuire).], чтобы у меня свело живот.

К черту мужчин. Откажемся от конвейерной ленты. Восстанем против прошлого. Даже я, с моей отягощенной историей, могла ощутить вкус тех настроений. Фильм о Вудстоке, демонстрируемый на всех стенах, туристы и журналисты, валяющиеся повсюду на подушках, впитывают революционную атмосферу, – будь то Джимми Хендрикс в центре сцены, обнаженные хиппи или болезненные перформансы Дженис Джоплин. Я стояла на этой выставке спустя десятилетия после того, как все происходило, и чувствовала эхо каталитических волн той трансформации.

Представьте, каково действительно быть там. Представьте, что значит расти в сельской Англии, в семье с двумя детьми, ожидающей третьего, быть прихожанином церкви, посещающим школу для девочек или мальчиков. И все это на фоне революции.

Представьте, что значит быть частью среднего класса – тем, чье детство пришлось на пятидесятые – времена, когда реклама достигла пика продаж идеального семейного дома – это было буквально всем, и везде вас окружало послевоенное стремление ходить по струнке.

А потом, вдруг… Вьетнам. Гражданские права. Права женщин. Сексуальная революция. Обороты набирает контркультура, породив поколение, чей разум расколола несправедливость и подпитывали психоделики. Фабрики по производству ЛСД возникали в Калифорнии тут и там, снабжая «детей цветов», куда больше желавших любить своих соседей, чем бомбить другие народы. Любовь и мир превратились в оружие; Аллен Гинзберг вдохновил новый тип беспорядков – войну за мир; молодые люди вооружились партизанским театром и цветочными бомбами. Юная Эбби Хоффман объявила: «Крик «Силы цветов»[3 - «Сила цветов» – метод молодежного уличного протеста, родившийся в 1965–1966 годах под влиянием работ Аллена Гинзберга. В конце 1966 года вылился в протестные акции «партизанского театра», использовавшего для выступлений на митингах цветы и призывавшего к единству и любви.] эхом

разносится по земле! Мы не увянем!» Революция набухла бутонами – и расцвела.

То было поколение, требовавшее перемен. А в случае моих родителей, ни большой мир, ни их местный мирок меняться совсем не спешили. Потому, когда изменение, которого они так жаждали, пришло с другой стороны, они не только его приняли, но готовы были пожертвовать ради него жизнями, собственными личностями и эмоциональными привязанностями.

Несмотря на то что мне известен финал истории, часть меня уважает родителей за то, какими они были тогда. Уважает их бунтарство, готовность отдать себя без остатка новой идеологии, их амбиции и гонор, позволившие им «бросить все».

Все это массовое духовное пробуждение и стало моментом, когда на сцене возник будущий лидер «Детей Бога». Рожденный в самой гуще бунтарства, в песках Хантингтон-Бич.

Хантингтон-Бич был для Южной Калифорнии тем же, чем Хэйт-Эшбери – для Сан-Франциско: эпицентром контркультуры. В нем наличествовали все составляющие: наркотики, длинные волосы, солнце и свободная любовь. Здесь Дэвид Берг стал проповедовать для хиппи, и здесь начали проступать контуры «Детей Бога». Он стал местом нашего личного сотворения мира. Нашего Большого взрыва.

Когда мы были детьми, нам рассказывали об этом моменте, как, думаю, другим детям рассказывают о Санта-Клаусе. Чистая магия: мужчина за пятьдесят, белобородый с белыми волосами, раздает на пляже желе и бутерброды с арахисовым маслом. Пронизанный солнцем соленый воздух и шанс пойти за Христом. День за днем хиппи приходили туда, и очень скоро количество бросивших школу неудачников, присоединившихся к их компании, значительно возросло. Наша будущая группа – дитя новых перспектив, ревизионизма и пиара.

Такую историю я слышала в детстве. Великое видение великого человека, его движение как ньютоново яблоко, упавшее Дэвиду Бергу на голову в мире, готовом к переменам.

И это, несомненно, вполне себе версия. Хотя не единственная.

Подобное можно сравнить с картиной. О да, моя жизнь напоминает художественное полотно. Ты стоишь перед ней, и тебе знакомы каждый мазок кисти, линия и цвет, но вдруг в какой-то момент, в каком-то возрасте, смутно ощутив что-то, ты решаешь поскрести ее. Потому что нечто из изображенного на картине всегда казалось тебе неправильным. Ты царапаешь в углу и обнаруживаешь под верхним слоем кое-что другое. Часть оттенков, возможно, такие же – некоторые контуры, – но изображение уже не то. Ты продолжаешь скрести – пока настоящая картина не проявится полностью. Зловещая. Уродливая. Скребешь дальше, пока не срываешь ноготь, но добираешься-таки до смысла.

Понимание того, как начинается какое-либо движение, особенно столь бунтарское или потенциально экстремальное, как «Дети Бога», зависит не только от контекста ситуации. Также оно затрагивает базовый контекст человека как такового. Смесь ингредиентов, благодаря которым культ обретает власть и могущество.

Какую потребность людей, подобных моим родителям, удовлетворяла секта? И какой потребности, страстному стремлению или цели Дэвида Берга служила эта группа?

* * *

Дэвид Брандт Берг родился в тысяча девятьсот девятнадцатом году в семье Хьялмера Эмануэля Берга и Вирджинии Ли Брандт. Оба его родителя были странствующими евангелистами, но наиболее сильное влияние на юного Дэвида оказала мать. Позволив себе немного отклониться от темы, я могу вообразить их отношения в некотором хичкоковском духе. Чрезмерно контролирующая родительница, эдипов комплекс, пугающая созависимость – классический психопатический сценарий. Впрочем, эта история не нуждается в сбрызгивании хичкоковской эстетикой (хотя «капля» все же затесалась среди множества рассказов, что нам читали в детстве – в том тексте Дедушка мечтал иметь со своей мамой «нежные, но жаркие» сексуальные отношения).

Вирджиния Ли Брандт была одной из первых в Соединенных Штатах успешных женщин – странствующих евангелисток. Мне это кажется важным, поскольку позволяет понять, каковой была основная ролевая модель Дэвида Берга. Вирджиния всегда знала, что Дэвид пойдет по ее стопам. Из ее троих детей

только Дэвида она считала исключительным. Особенным. Избранным.

Вирджиния основала свою собственную скинию[4 - Скиния – в основном употребляется в значении походного храма евреев, скинии собрания, использовавшегося, согласно Библии, как место принесения жертвоприношений и хранения ковчега завета до постройки иерусалимского храма, созданного строго по образу скинии.] собрания, где устраивала грандиозные «пробуждения» для аудитории до семи тысяч человек. Представьте, каково было быть ее сыном, смотреть на нее, проповедующую, сидя там вместе с другими адептами на деревянных самодельных скамьях. Представьте трепет от взгляда на лицо этой женщины в море покрытых по?том благочестивых мужчин, в пропитавшем все вокруг густом запахе опилок и человеческих тел. Вообразите облик Вирджинии, в тот момент воплощавший сияющую божественную сущность. Как можно было не смотреть на нее снизу вверх, не хотеть подражать ей? Не желать излучать и вбирать силу Всемогущего?

Итак, Дэвид Берг рос с матерью, стоявшей на пьедестале – буквально, на кафедре. И, судя по ее собственным словам, то же самое Вирджиния сделала для него. В смысле воздвигла пьедестал. Дэвид был ее уникальным мальчиком, предназначенным для жизни «ради Господа» и в центре всеобщего внимания.

И она была права. В конце тридцатых Дэвид Берг, тогда юноша немного за двадцать, присоединился к Вирджинии в ее работе, – он стал ее шофером, регентом в хоре и главным ассистентом. А в пятидесятые он перешел к собственному пастырству в церкви под названием «Долина ферм».

И здесь мы снова сталкиваемся с двумя версиями описания происходивших событий.

В обеих пастырство Дэвида Берга протянуло недолго и было злополучным.

Версия номер один: Дэвид Берг пригласил присоединиться к богослужению (белого собрания) в «Долине ферм» коренных американцев. Паства испугалась – они не желали видеть в своей церкви индейцев. Дэвид назвал прихожан «кучкой расистов» и ушел, разочарованный состоянием христиан и аморальностью церковной системы. По словам Дэвида Берга, именно тогда в нем зародился протест против истеблишмента и пылкое недоверие к высшему классу. По мере того как росли его собственные разочарование и порыв к неповиновению, на

горизонте поднималась революционная волна – и, возможно, его чувства были приготовлением к ней. Он был на верном пути.

Эта версия прекрасно увязывается с идеей о том, что Дэвид Берг – человек из народа, как и его последователи, «бросившие учебу». Человек, ради своих принципов оставивший церковь и вообще все, ради чего он работал и чего хотел в жизни. Так возникает герой и ролевая модель для наших хиппи: если Дэвид Берг мог сделать подобное, то и у них получится.

Версия номер два (которую подтверждает его семья, видевшая это своими глазами): Дэвид Берг ушел не в припадке праведности. Его демарш был никак не связан с расовыми вопросами или бунтарством. Берга исключили из церкви за сексуальные домогательства к одной из сотрудниц. По мне, здесь налицо один из первых звоночков, предупреждавших, к чему все шло. Словно скелет котенка в саду у дома, где прошло детство психопата.

История «Долины ферм» раскрывает пристрастие человека, способного переписать прошедшие события в угоду своим потребностям. Поставить собственные сексуальные желания выше «работы ради Господа». Я считаю, это значит, что он был испорченным еще до создания группы; не просто мессианским лидером, одурманенным свалившейся на него властью. Возможно, он с самого начала создавал именно деструктивный культ.

Что ж, я продолжаю скрести.

* * *

К шестидесятым годам дети Дэвида Берга и его жены Джейн организовали собственную странствующую христианскую группу «Подростки для Христа». Дэвид не был старым одиноким человеком, вопившим на пляже, торговцем Армагеддоном, раздававшим бутерброды с ореховым маслом. На его стороне были хиппи. Хорошо выглядевшие хиппи. Его дети. Они открыли миссию под названием «Маяк» на причале в Хантингтон-Бич, где сладко пели о любви, сопричастности чему-то большему, движении к небесам и обретении предназначения.

В этот период Дэвид Берг начал перевоплощаться в Отца Дэвида; он избавился от костюма, одевался как хиппи, отрастил бороду и длинные волосы, а также откорректировал свои проповеди. Теперь он разглагольствовал в них об истеблишменте или «системе».

«Система» – его тогдашнее всеобъемлющее определение для злобной структуры власти, которая угнетает массы, контролирует мировую экономику и развязывает войны.

Я пытаюсь представить себя одной из тех, кто приходил на тот пляж в шестидесятых. Возможно, я не была в доме моих родителей в пригороде с той самой ссоры из-за Никсона, возможно, устала от всей той хрени, что постоянно видела в мире. Я откусила от предложенного мне солено-сладкого сэндвича, мои зубы болят, перемалывая дешевый белый хлеб, в то время как кто-то рассказывает мне о моей жизни, моей цели, – с материнской нежностью. Я воображаю, как его доброта пролилась на обжигающую горечь, в которой я жила (или даже опустошение, настигшее меня после какой-нибудь долгой ночи). Возможно, всего днем ранее я спрашивала себя, в чем смысл жизни, работы, – в сущности, ЧЕГО УГОДНО. И сейчас мне предлагают новый путь.

Возможно, лучший путь.

Дэвид Берг говорил хиппи в этой миссии, что они подобны истинным двенадцати апостолам Христа – тем, первым, избранным и отверженным. Он придал положению хиппи смысл. В эпоху неповиновения Берг извлек из бунта выгоду, капитализировав желание молодых протестовать и спорить. Использовал Священное Писание, манипулируя библейскими текстами. В результате они выглядели поддерживающими идеи Берга о том, как нужно идти за Господом, – а значит, и за ним самим: «И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним»[5 - Мф. 4:20. Все цитаты из Библии даны в синодальном переводе.].

Для того чтобы создать движение такой силы, критически важно заставить ваших последователей продемонстрировать способность поставить группу превыше всего. Концепт отречения от отца, матери, работы, дома, страны и всех социальных связей был определяющим для обретения постоянного членства в организации. Определяющим он являлся и для плана Дэвида Берга. В конце концов, Библия тоже вполне ясно говорит об этом: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»[6 - Лк. 14:33.].

На Хантингтон-Бич Дэвид Берг и «Подростки для Христа» предложили хиппи именно такой вызов: «Придите! Оставьте все и следуйте за Иисусом». В определенном смысле многие хиппи уже сделали это, сделали первый шаг. Они уже покинули свои семьи и дома, бросили работу. Все, что требовалось, – чуть изменить направление, чтобы сделанное ими оказалось свершенным ради Иисуса.

И когда речь идет о том, чтобы подтвердить свою веру, подтвердить, что ты достоин, и вы все – часть одного целого, что подходит для этого лучше и действует мощнее, чем отречение от всего? Что может быть более опьяняющим для построения нового сообщества, чем знание, что все и каждый заплатили ту же посвятительную цену?

И здесь мы подходим к нашему Большому взрыву.

Дочь Дэвида Берга Дебора, которой в то время было двадцать два года, называет этот момент «большим прорывом» в жизни отца. Как говорил он сам, «рука Господа начала действовать!». Он ждал этого всю свою жизнь. Сейчас, когда ему уже сорок девять, наконец явило себя его предназначение. То был его шанс доказать, что он чего-то стоит. В свете произошедшего естественная ненависть Дэвида Берга к церкви, правительству и миру, отвергших его как неудачника, выглядела свидетельством подлинности его проповедей и веры. Поскольку теперь выходило, что у его проповедей имелся очень, очень реальный источник. Они были мощными и страстными. Горечь, которую Берг испытывал по отношению к церкви, неприятие социального истеблишмента и капиталистической системы, презрение к родительской власти – все сконцентрировалось в его Евангелии Восстания.

И этого было достаточно для того, чтобы начать свою собственную революцию.

Говоря о восстании, Дэвид умело связывал верования молодых со своей собственной идеологией: «Родители хотели, чтобы дети пошли по их стопам в эгоистичной экономике, где человек человеку – волк и люди не только убивают друг друга, но истребляют целые народы… Молодые устали, они сыты по горло тем, что в действительности представляет собой языческая, жестокая, блудодейная религия их отцов. Это ложное христианство. Дети пытаются вернуться к миролюбивым религиям древности, включая религию первых христиан, и ничего подобного они не смогут найти у родителей. Так кто же бунтовщики? Если бунт нацелен на взгляды и экономику предков, то

бунтовщиками являются сами родители».

* * *

Разросшись из «Подростков для Христа» до группы, включающей сотни последователей, секта переехала из «Маяка» на ранчо в деревне. Убежденные, что скоро наступит Армагеддон, они ежедневно пророчествовали и говорили на языках[7 - Речь идет о так называемой глоссолалии. Глоссолалия как религиозная практика отсылает к «Дару языков» – одному из девяти даров Святого Духа, упоминаемых в Евангелиях. В раннем христианстве, в некоторых первобытных религиях и Новых религиозных движениях (в том числе у харизматов и пятидесятников) использовалась как молитвенная, проповедническая и богослужебная практика.]. Облачившись во власяницы, покрывали лица черным пеплом и кричали «Горе!» на улицах, предостерегая мир о грядущей погибели. Представьте ощущения: запах сажи на вашем лице, кусачая ткань запыленного рубища, скорбные крики сотен резких голосов, переполненных яростью. Это было РАДИКАЛЬНО. То было время беспокоившего всех насилия и угнетения, и учения Аллена Гинсберга и Эбби Хоффмана[8 - Эббот Говард «Эбби» Хоффман (1936–1989) – американский левый активист, основатель международной партии молодежи (йиппи).] тогда использовались с очень реальной целью.

Близился конец света!

Дэвид Берг говорил о своих последователях пылко и с гордостью. «Это настоящая, единственная подлинная революция, и она выживет, одна из всех когда-либо происходивших, потому что несет с собой революционное Царство Бога и Иисуса Христа!» – изрекал он, закрепляя за адептами секты статус пророков Конца времен.

Группа перебралась в фургоны, чтобы распространить это евангелие по Соединенным Штатам. Дэвид создал лидерскую структуру, выделив детей, обладавших нужными качествами, и обучил их лично (он называл их своими архиепископами). И уже спустя два года группа набрала достаточно последователей и достаточный импульс, чтобы двинуться на Великобританию и разжечь движение «Революции для Иисуса» там.

Здесь и начинается история моих родителей.

* * *

Мои родители присоединились к группе в 1972 году, и к тому времени, когда они в качестве новообращенных обучались на фабрике в Бромли проповедовать «Слово» и готовились к миссиям в Амстердаме, Париже и других местах, Дэвид Берг уже скрылся из виду. Всего через четыре года после основания секты в Хантингтон-Бич.

И опять у нас есть две версии того, как и почему это случилось.

Версия номер один: в Штатах пресса начала поднимать шум в связи с «Движением Иисуса» и «Детьми Бога». Родители адептов говорили, что их детям промыли мозги, похитили их и загипнотизировали. Дэвид Берг опасался, что его станут преследовать по закону, поэтому держался в тени, на случай если дерьмо окажется сильней фанатизма.

Вторая версия утверждает, что дела на самом деле были не так плохи – пока что, но Дэвид Берг, уже превратившийся в Моисея Дэвида, нуждался в том, чтобы дистанцироваться от своих последователей. Он начал избавляться от людей, знавших его до того, как он объявил себя пророком. Видимо, он понял, что уклончивость и тайна – ключи к вере в чью-то избранность. Оставаясь на расстоянии вытянутой руки и не видя «человека», члены группы скорее верили в «пророка». Может, если бы мои родители познакомились с Дэвидом Бергом лично, то осознали бы, что он был не столько мессией, сколько зависимым от алкоголя слизняком, как описывала его собственная дочь.

К тому времени он уже избавился от первой жены Джейн (переименованной в Мать Еву) и обзавелся девушкой вдвое младше него. Карен Зерби (позднее известная как Мама Мария) была его наложницей (хотя болезненный переход между этими двумя продолжался пять лет). Карен сыграла важную роль как в жизни Дэвида, так и в истории группы – вплоть до его смерти. Собственно, она возглавляет «Детей Бога» до сих пор.

Как бы то ни было, в то время когда мои родители обрели новые имена и новое рождение на фабрике в Бромли, они ни разу не встречались с Моисеем Дэвидом. Между тем он находился всего в двух милях и руководил революцией из маленького семейного дома в тихом тупике. Я не знаю, как долго Берг жил

в Великобритании, но из укрытия он больше не вышел.

К 1972 году у «Детей Бога» было более десяти тысяч последователей в ста тридцати коммунах, и мне хочется верить, что большая часть этих людей – мои родители в том числе – были хорошими. Они пытались изменить мир к лучшему или искали цель в жизни. Они не вступили в группу, говорившую: «Станьте проституткой для Иисуса» или – «жестокое обращение с детьми – это нормально». Они присоединились к революции. Но сползание группы к некоторым по-настоящему дерьмовым учениям происходило даже быстрее, чем я осознавала, когда росла.

Практика под названием «кокетливая рыбалка» появилась в 1973-м. Ее представили во внутреннем круге Берга, а всей группе предложили спустя один год, и всего через два после того, как мои родители присоединились к секте. Так назывался способ, которым женщины могли вербовать для секты новых адептов. Женщины должны были показывать людям, жившим в мире за пределами группы, любовь Бога (с помощью секса) и пожинать плоды (в виде денег). Эти женщины были «ловцами человеков»[9 - Мф. 4:19.], как Иисус сказал Своим ученикам.

Внушающий еще большее беспокойство концепт «дитя-невеста» появился в 1977-м.

Похоже, «промывание мозгов» – вещь весьма перспективная. Много ли это – два года, чтобы создать такие условия и так контролировать женщин, чтобы они сделались «шлюхами для Бога»? А четыре – чтобы выработать у адептов достаточное равнодушие к идее сексуального насилия над детьми и превращения несовершеннолетних в «невест»?

Учитывая, что моя мать была обращена за пять часов, полагаю, пять лет в подобной среде идут за десятилетия. Но что очевидно для меня в Дэвиде Берге – он был гнилым с самого начала. Возможно, это лишь скрывалось глубоко внутри. Пусть для того чтобы обработать своих последователей и притупить у них восприятие реальности, ему потребовалось какое-то время, сам он уже был абьюзивным, контролирующим педофилом.

И вот мы доскреблись до еще одного открытия, пробирающего меня до костей.

1968 год – тот, когда все это началось, – был годом, когда мать Дэвида Берга Вирджиния умерла. Ее смерть – поворотная точка, так как многие, включая дочь Берга, считают, что его мать была последней сдерживающей моральной силой в его жизни.

Так была ли ее смерть тем, что побудило его к действию? Катализатором? Ждал ли он этого дня? Поскольку после того как Вирджиния умерла, он сорвался с тормозов. После ее смерти он начал создавать группу, способную дойти до невыразимых вещей во имя Дэвида и Иисуса.

И это начало нашей истории – истории моей семьи, моей коммуны и моей собственной.

2

Один простой вопрос: 12 лет после

Она будит меня пощечиной.

Толчок. Тело пробивает током. Грубо. Я не могу заснуть. Не сплю.

Бессонница. Ну что за сука! Никогда не выигрываю в борьбе с ней. Она превращает постель в сплошной источник зуда, делает любое положение раздражающим. Каждый звук в ночи усиливается: радиатор, потрескивание статического электричества, система отопления.

Светящиеся красные цифры на табло прикроватных часов дразнят: 3:45.

«Ну лучше некуда, твою мать!»

Пытаться заснуть бессмысленно. Я стану вертеться, мучаясь мыслями о незавершенной работе; глупость, которую я ляпнула на прошлой неделе, будет сверлить мне мозг, пробивая путь сквозь остатки разума. Выползут страхи, что

меня назовут самозванкой, страхи, что я и есть самозванка. Они примутся шептать в ночи, затем мурлыкать, затем орать. Вылезут все те мысли, что я могу заставить молчать в течение дня, когда – ах, я так занята. Потому что, когда ты занят, ты можешь это заткнуть. Но садистка-бессонница вышибает дверь, открывает ворота и впускает всю толпу мыслей сразу.

«Да к черту!»

Я встаю с кровати, и собственное отражение наваливается на меня. Вся стена зеркальная – единственное, чего я не изменила, купив эту квартиру с двумя спальнями в бывшем муниципальном доме в восточном Лондоне. Мое обиталище; безопасности, которой я так отчаянно жаждала, когда жила в тридцати коммунах более чем на четырех континентах – еще до того, как достигла возраста, когда смогла купить пачку сигарет, – мне не обломилось.

Девушка в зеркале растрепанная и тощая. Ей двадцать семь лет, и она нуждается в полноценном сне. И, пожалуй, в здоровой еде. Слушай, напои эту девушку кокосовой водой. Дай ей витаминов. Овощи тоже не помешают. Скажи ей, наверное, чтоб поостыла с работой и вечеринками. Пусть сократит восьмидесятичасовую трудовую неделю, может быть, уменьшит число ночей в неделю на выпивке и наркотиках до четырех (до шести, ладно).

А как ты думала, ты выглядишь? Свежо?

Сейчас 3:46 утра, и у меня уже экзистенциальный кризис.

«Да твою мать, ПОТРЯСАЮЩЕ!»

Эти зеркала нужно убрать.

* * *

Я сползаю по лестнице осторожно, чтобы не разбудить соседку Рокси. Дом расположен в тихом тупике на Бетнал Грин, ночью здесь полная тишина. Необычно для Лондона. В сущности, единственная проблема на этой улице – мы. По выходным (а иногда и по будням) соседи заходят на очередной круг жалоб на шум. Мы держим официальные письма, связанные с их заявлениями, на

холодильнике, словно школьные отчеты об успехах, знаки славы. Возможно, надеясь, что гости спросят о них. В последнем письме говорится, что нас ждет штраф в две с половиной тысячи фунтов, а еще у нас конфискуют аудиосистему. Аудиосистема не наша, я «позаимствовала» ее на работе; она дорогая, мощная и, кажется, предназначена для музыкальных фестивалей, так что мы пока перестали ее включать.

Неужели мы – бесстрашное мятежное поколение? Мы наглые, непримиримые и шумные или просто клишированные молодые? Испорченные, банальные и жалкие?

Я горжусь моей работой. Я хороша в том, что делаю. Думаю, что хороша. Ну, по крайней мере, я полностью выкладываюсь. Я креативщик в крупном музыкальном веб-портале, в музыкально-кинематографическом отделе. Рокси занимается тем же самым. Таким образом, в нашем доме нет взрослых, которые советовали бы нам вести себя более «умеренно». Все, кого я знаю, живут так – это нормально, а со всем остальным мы разберемся позже. Когда нам станет скучно. Переедем в пригород. Начнем обсуждать пристройки и водосборы.

Я провожу большую часть лета в дороге: концерты, музыкальные фестивали. Вся в грязи, интервьюирую музыкантов, напивающихся вдрабадан. После этого офисная работа превращается в похмельную тянучку. Я не смотрю на часы – не тот случай, – просто продолжаю заниматься делом, пока кто-нибудь не говорит: «Все ушли в паб».

Работать по двенадцать-пятнадцать часов в день – норма, норма – спать в шкафу с товарами, как и покупать одежду по пути на работу, потому что ты опять провела в офисе ночь. То, что мы делаем, так важно и обставлено такой срочностью, словно мы спасаем мир. Мы доводим себя до истощения. Затем, желая поднять нам настроение, какой-то мудак скажет: «Это всего лишь веб-сайт». Иди на хрен, приятель! Как будто мы не знаем, что единственные люди, которым стоит работать так много, это настоящие спасатели.

И, возможно, даже им не надо.

Я сижу в моей гостиной, вся зудя от бессонницы, в окружении плакатов «секретных шоу», которые мы устраиваем на работе. На стене висит афиша группы The Gossip. Я иллюстрировала этот постер к их концерту; на нем

изображена женская грудь, разорванная и обнажающая черное сердце, сплетенное из спутанных сорняков. Черные и толстые, они душат друг друга. Сейчас мои работы нервируют меня. Я тянусь рукой к собственному сердцу; чувствую, как оно сжимается.

Ты встревожена, говорю я себе.

Монитор моего ноутбука мигает. Свечение озаряет комнату. Я чувствую искушение сесть за работу – «опередить день» – но знаю, что это не поможет.

Я открываю на компьютере папку под названием «Ночные записи». Мой самый новый способ убить время посреди ночи – записывать истории из детства. Мне хочется, чтобы они были мрачными, комедийными, закрученными. «Так много отвратного дерьма случилось, когда мы были маленькими, – смеясь, говорю я друзьям, – из этого мог бы получиться отличный комедийный сериал». Иногда я вбрасываю короткий анекдот из детства в ночь в пабе. Что-нибудь легкомысленное, что можно услышать и забыть, что-нибудь откровенно смешное. Ничего, что заставило бы нас углубиться во что-то более темное. Потому что, когда нечто закончилось, ты можешь над этим посмеяться, увидеть забавное в том, что было когда-то мрачным. Правда?

Если честно, мне жаль детей, с которыми я росла, тех, кто постоянно хнычет о том, что с ними случилось. Хнычет от грусти, боли, дерьма – всего того, через что мы прошли. Да, мы прошли через это, и сейчас оно позади. Я горжусь тем, что меня это не касается, презираю знакомых, которые все еще не смогли выбраться из трясины культа.

Оставьте. Это. Уже. Вы теперь на свободе, живите своей жизнью.

Я смотрю на мои файлы. Я до сих пор не закончила ни одну историю. Обычно застреваю на первой же странице. Но писательство ведь так и устроено, да?

Может, дело в компьютере. Может, стоит писать от руки.

Я иду в кухню за блокнотом. Там полно следов нашего образа жизни: мусорка, забитая бутылками из-под алкоголя, пепельницы в сушилке для посуды, таблетки обезболивающего, разложенные на стойке, как у некоторых людей лежит печенье. Пачка ментоловых сигарет смотрит на меня провоцирующе.

«Ментол – для мелюзги», – говорит Рокси. Я испытываю искушение закурить.

Нравится ли какой-то части меня мысль о том, чтобы сидеть в темноте в ночи с сигаретой, свисающей изо рта, пытаясь писать?

Так мучительно, качаю я головой.

Я открываю блокнот на списке идей: «Беверли – смешная история о проституции», «Джоэль и Джон – сопли во время молитвы», «Похищение соседских игрушек, после того как соседей убили вооруженные рейдеры» и затем, под всем этим, слова: «Мой «гардиан».

Мой «гардиан», мой хранитель. Я рассказывала эту историю несколько раз тем из моих друзей, кто знает чуть больше остальных о моем прошлом – настоящем прошлом, из которого эти истории пришли.

Мой «гардиан» полностью изменил траекторию моей жизни, когда я была ребенком. Знаменательная, важная вещь. Сколько я себя помню, я боготворила этого человека и то, как всего одним вопросом он перевернул мою душу. Мне было десять лет. Он показал мне, что мое будущее может быть не предопределено. Он зажег меня, дал мне надежду. Указал на трещину в стене, через которую я однажды могла бы сбежать.

Я беру ручку и принимаюсь писать.

«Гардиан едет».

Все дети не перестают повторять это. «Гардиан» – журналист. Репортер газеты Guardian. Он едет к нам. Мы не знаем, кто такие журналисты Guardian, не знаем, как они выглядят, они могут оказаться какими угодно. Но вот что мы точно знаем: его визит очень важен. Взрослые готовились к его появлению неделями.

Мы должны произвести хорошее впечатление. У нас возникла куча дополнительной работы – покрасить обшарпанные участки дома, подстричь газоны; следовало упаковать и убрать с глаз долой все ненужное или то, что может выглядеть не слишком хорошо на посторонний взгляд. Мы снимаем со

стены таблицы и графики взысканий, целыми днями убираемся. Мы должны сделать все идеально, потому что скоро здесь будет «гардиан».

У нас были молитвы, где объяснялось, что это «большая возможность» и «попытка понять, сумеем ли мы выйти из подполья и позволить засиять нашим огням». Какая это «огромная ответственность».

Мы должны отнестись к этому «крайне серьезно».

Впервые кто-то «снаружи» пришел к нам домой. Чужак, системит[10 - Системит – в терминологии верований «Детей Бога» – человек из внешнего мира, часть «системы», полностью подчиненный ей и поглощенный ею.] останется здесь, будет спать среди нас. Это волнующе, но и опасно. Так что при подготовке к его приезду взрослые уделили много внимания тому, чтобы научить нас, как отвечать на вопросы. Потому что некоторым из нас, детей, удастся поговорить с «гардианом». Выбрали нескольких. Я – одна из них.

Я кладу руки на свежевыкрашенный подоконник, вдыхая запах эмульсии, чистоты и химикатов. Эта точка дает мне прекрасный обзор на подъездную дорогу. В ворота медленно вплывает машина, мои отец и мать горячо машут.

Он выходит из машины, родители пожимают ему руку. Мне видны только их спины, но я знаю, что они должны улыбаться. «Гардиан» отвечает им улыбкой. Я удивлена. Он старый. Старше моих родителей, возможно, такой же старый, как бабушка с дедушкой. У него абсолютно белые волосы, длина – чуть ниже ушей. Доброе лицо. Он высокий и худой. Не похож на здешних взрослых.

«Добро пожаловать!» – Я почти слышу, как они говорят это.

Я бегу по дому, повторяя их путь снаружи, так что вижу их в окна. Слышу громкий голос отца, пока они совершают экскурсию по территории.

«Как видите, нет никаких стражников, которые удерживали бы кого-нибудь внутри, ротвейлеров или колючей проволоки, – смеется моя мама. – Люди могут приходить и уходить, когда им заблагорассудится».

Этот дом находится как раз посреди сельской местности, и на мили вокруг ни души. Мне интересно, куда нам заблагорассудилось бы пойти.

Мы садимся за ланч. Это особый ланч – сосиски и картофельное пюре, столы сервированы ножами и вилками, на столах стоят кувшины с соком. Королевский ланч.

«Что ж, это вкусно, – говорит он. – Меня предупреждали, чтобы я ничего не ел у вас, так как вы можете опоить меня и убедить остаться, – добавляет он, подмигивая и усмехаясь. – Но могу ли я устоять перед сосисками с картофельным пюре?»

«Сосиски». – Я чувствую, как мои губы шевелятся, произнося слово, чтобы запомнить его.

Мой папа смеется. «Я уверен, вы слышали о нас много всяких глупостей, – поэтому мы очень хотели пригласить вас сюда, чтобы вы сами увидели, как здесь все устроено».

Пока мы едим, «гардиан» рассказывает нам истории о своих детях – они любят гулять, но также слишком много смотрят телевизор. Рассказывает, как путешествовал по всему миру, беседуя с людьми об их жизни. Мои родители рассказывают о наших путешествиях.

«Мы служили Господу в Индии, в Африке, в… – Отец загибает пальцы, его грудь гордо выпячивается. – Наши дети росли во множестве разных культур».

Он, должно быть, имеет в виду температуры, в которых нам приходилось расти, – это правда, их мы повидали немало.

Когда «гардиан» говорит, он смотрит нам в глаза. Действительно смотрит, словно уверен, что мы скажем ему что-то интересное, словно мы почти так же важны, как взрослые. Он много улыбается, смеется, и если поймает тебя на том, что ты таращишься на него, – подмигивает, показывая, что все в порядке. Я знаю это, потому что он поймал меня.

С «гардианом» ты чувствуешь, что можешь выдохнуть. Но мои родители об этом позаботились: предупредили нас, что он на такое способен. Заставить нас поверить, будто мы можем расслабиться. Но мы знаем, что не должны поддаваться. Потому что «гардиан» может причинить вред группе и нашему образу жизни. Если мы ошибемся, скажем что-то не то из-за того, что растаяли от его улыбок и подмигиваний, он напишет о нас плохо, и нас всех могут посадить в тюрьму.

Приходит мама и говорит, что сейчас моя очередь общаться с «гардианом». В животе у меня что-то подпрыгивает. Я выхожу из дверей гостиной и вижу его сидящим на диване в цветочек, который я всего два дня назад чистила от пятен, отмывая вышитые лепестки по случаю его приезда. Свет струится в окно и падает на его белые волосы. Они сияют, как одуванчик на солнце.

– Привет, Бекси.

– Здравствуйте.

– Как поживаешь?

– Очень хорошо, спасибо.

Я устраиваюсь на своем месте.

– Итак, тебе кое-что известно обо мне, Бекси, после сегодняшнего дня, плюс-минус, но я знаю о тебе не так уж много, да?

Я качаю головой.

– Не возражаешь тогда, если я задам пару вопросов, чтобы узнать о тебе побольше?

Я киваю:

– Да.

Мне кажется, я вижу свое отражение в его глазах. Когда он улыбается, вокруг глаз образуются морщинки.

Сначала он спрашивает меня, сколько мне лет.

– Мне почти одиннадцать, – говорю я.

Он спрашивает, где я родилась. Спрашивает о моих братьях и сестрах; просит назвать их имена и возраст. Он говорит, что это должно быть прекрасно – иметь такую большую семью.

Я говорю:

– Да, прекрасно.

Он спрашивает меня, есть ли у нас любимые игры. Я рассказываю ему об игре, в которую мы играли до приезда в Англию. Суть ее в том, чтобы спрятать картофелину – мы называли игру «Картошка! Картошка!». Он смеется и говорит, что это звучит весело, и он хотел бы попробовать.

– Тут хорошо то, что, даже если у тебя больше нечего есть, обычно можно найти спрятанную картошку, – сказав это, я чувствую себя глупо.

Он не задает тех вопросов, о которых меня предупреждали, – об Армагеддоне, Моисее Дэвиде, о «кокетливой рыбалке». Кажется, ему больше всего интересны вещи, о которых я никогда не говорю, о которых меня никогда не спрашивают. Потом он задает вопрос, который ощущается словно стук в дверь. Я прежде не допускала мысли, что эта дверь – для меня.

– Бекси, кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

Его вопрос заставляет меня задохнуться. Я чувствую, как мои глаза расширяются по мере того, как слова чужака ширятся в сознании. Ощущение проходит через все мое тело, – оно переполняет вены, пульсирует в биении сердца.

Потолок над «гардианом» открывается, пылая огнями Армагеддона, черными облаками и серой. Я могу различить Святого Духа Иисуса и Бога, и Моисея Дэвида, стоящих в сияющих белых одеждах, с мечами в руках, и армию ангелов – легионы их заполняют жестокое небо.

Земля в пламени, я вижу вспышки грядущего. Вижу себя – подростка в сражении с воинами Антихриста. Вижу свою смерть, смерть, к которой мы все готовимся. Я вижу много вариантов того, как меня убивают; выстрел в сердце, повешение на дереве. Я истекаю кровью, обнаженная, на кресте, меня обезглавливают вместе с братьями и сестрами на площади, потому что мы отказались отречься от Моисея Дэвида.

Голос репортера пробивается сквозь видение, потолок закрывается. Снова остаемся только мы двое.

Я и «гардиан».

– Хорошо, ты думала об этом? Кем бы ты предпочла быть, когда вырастешь?

Я ищу на его лице признаки обмана, лукавства или насмешки, но не нахожу. Это настоящий, искренний и, возможно, очень нормальный вопрос. Так, может быть, существует подобный шанс. Ну, что я вырасту?

И я отвечаю единственное, о чем могу думать:

– Я хочу быть журналистом, я хочу быть как вы.

Слова растекаются по странице, как акварели, синие буквы сливаются. Я вытираю глаза, пока слезы не причинят больше ущерба или не сотрут этот момент. Только что пробил «золотой час», заливая комнату мягким светом. Мой взгляд затуманивается, и я проваливаюсь в то, о чем пишу. Оно родилось из меня, выплеснулось и заполнило квартиру, комнату, захлестнув дом, ради обретения которого я столько боролась, и вещи, которыми я его заполняю; жизнь, которую я не смела считать возможной. И, сидя в этой синеве, внутри этого мгновения из прошлого, которое изменило меня и позволило существовать реальности, которая у меня есть сейчас, я понимаю, что должна найти моего «гардиана» и поблагодарить его.

* * *

Прошла неделя с тех пор, как я занялась поисками «гардиана». Мои подруги, Джесс и Селина, пришли на ужин.

– Животное! Ты готовила? – говорит Джесс, входя. Она удивлена. Девчонки переименовали меня в «животное» пару лет назад – «ты похожа на крошечное дикое существо», – я принимаю это как комплимент.

– Я умею готовить, – говорю я. – В детстве я готовила постоянно.

– Да, судя по тому, что ты рассказывала, ты делала это абсолютно из-под палки.

– Ах, какой стыд! А ведь я приготовила для вас мою культовую классику…

– Жертвенного ягненка Христа? – перебивает Селина.

– Правда? – говорит Джесс.

– Нет. Рисовую лапшу со специями, тупица!

Я раскидываю подушки на полу вокруг кофейного столика, затем наливаю девушкам вина.

– Очень изысканно, – говорит Селина.

– Это только для вас двоих, вы знаете, что я не справлюсь с этим, – отвечаю я.

– Ты можешь справиться с тремя ночами бега трусцой, но все еще не можешь пережить бокал вина? – спрашивает Селина.

– Ни глотка, – говорю я, улыбаясь.

– Из тебя вышел бы хреновый католик! Не ешь хлеба, не выносишь вина, – говорит Джесс.

– Прямиком в ад! – смеюсь я.

Мы проглатываем острую утешительную еду и принимаемся болтать о жизни. Джесс уехала, Селина сближается со мной, она начала ходить на свидания. Джесс – самая взрослая из моих друзей: она вышла замуж в прошлом году.

– Над чем сейчас работаешь? Есть какие-нибудь концерты, на которые нам стоит пойти?

– Да, есть, действительно… ну, всегда есть концерты на горизонте, – говорю я и быстро меняю тему. – Я рассказывала вам обеим о том журналисте из Guardian, да?

Джесс и Селина – два человека, на самом деле знающих, что происходило в моем детстве. Не все, но достаточно для того, чтобы понимать, какое впечатление произвела на меня встреча с журналистом и «тот вопрос».

– Да, конечно, – отвечает Селина.

– Что такое? Что-нибудь случилось? – беспокоится Джесс.

– Я решила, что хочу встретиться с ним и поблагодарить его, – говорю я.

– Прекрасно, прекрасно, прекрасно! – Селина хлопает в ладоши.

– Как ты собираешься сделать это? – интересуется Джесс.

– Ну, я разузнала кое-что и сузила круг поиска. Я выяснила, кто работал в Guardian в то время, но не могу найти статью, которую он написал о нас…

Джесс спрашивает:

– Бекси, ты же знаешь, что отец и мама Зака оба писали для Guardian?

– Нет, понятия не имела.

– Ну, мы можем спросить их, не знают ли они, кто этот парень. Они работают журналистами много лет и точно помогут, – говорит Джесс.

Зак – наш общий друг. Я знаю его очень давно, мы даже встречались – мимолетно.

– Что ж, было бы классно, – отвечаю я. Это может сработать.

– Как зовут этого парня, которого ты ищешь? – спрашивает Джесс.

– Уолтер… Уолтер Шварц, – говорю я.

– Твою мать! – Джесс подпрыгивает.

– Что?

– ТЫ ЧТО, ШУТИШЬ?

– Почему?

– Бекси, Уолтер Шварц – это папа Зака!

* * *

Мы едем по сельской местности в Гринакрс. Зак за рулем, его девушка Лаура на переднем сиденье, Селина – на заднем рядом со мной.

– У меня до сих пор это в голове не укладывается, – говорит Зак.

Какое причудливое движение судьбы: человек, с которым я познакомилась в ночном клубе, оказался сыном журналиста, изменившего мою жизнь. Зак говорил мне на нашем первом свидании, что был бы счастлив представить меня своему отцу. Я нашла его заявление одновременно странным и преждевременным – тогда я не знала, что его отец коллекционирует чудны?е истории и людей. Сейчас это стало более понятным.

– Так что, Уолтер познакомился с тобой, когда ты была маленькой? Познакомился в секте? Это безумие! – говорит Лаура.

– Думать, что вы знаете друг друга… Я хочу сказать, да, это безумие, – добавляет Зак.

– Сумасшествие! – соглашается Лаура.

Безумие, – думаю я.

– Не могу дождаться, чтобы увидеть, как вы двое встретитесь, – говорит Лаура. – Что ты собираешься сказать ему?

Теперь я начинаю нервничать. Ожидания слишком высоки.

– Мы не в романтической комедии, я просто скажу: «Привет». В любом случае я написала ему письмо обо всем, что хотела ему сказать, на днях, чтобы он знал, что я чувствую, черт побери! Не знаю, как бы я все это вывалила ему в реальной жизни.

Я написала «гардиану» сразу после ужина с Селиной и Джесс.

Здравствуйте, Уолтер!

Это, наверное, самое странное электронное письмо, которое я когда-либо писала. Я собиралась сказать, что я на самом деле не знаю, что писать, но я думала об этом так много, что нашла миллион вещей, которые могла бы сказать, просто не знаю, с чего начать.

Прежде всего я не жду, что вы вспомните меня. Я понимаю, что вы за свою жизнь провели миллион интервью, и мое было лишь одним из них, но, возможно, это не имеет никакого значения, потому что, помните вы или нет, встреча с вами оказала на меня в детстве огромное влияние. И, правда, я просто хочу, чтобы вы это знали.

И, может, это прозвучит напыщенно, но большая часть моих друзей слышала историю о «моем журналисте из Guardian» и знает, что день, когда я говорила с вами, все изменил для меня.

Наверное, нужно рассказать вам немного обо мне. Мои родители – Гидеон и Рейчел Скотт, которые, по сути, были пиарщиками «Семьи». Нас выбрали как семью, представлявшую группу, потому что мы были, вероятно, наиболее нормально выглядевшей/говорившей семьей, которую секта могла предложить.

У меня было множество интервью после вашего, и большая часть из них слилась в одну большую сессию вопросов и ответов. Но интервью с вами было совершенно другим.

Полагаю, ваше знание их доктрин было довольно обширным, но не думаю, что вы знаете, что, когда я росла, нам говорили, что мы живем в Последние времена и что я фактически родилась для того, чтобы стать смертницей. Что я не проживу больше четырнадцати. Я никогда не думала о будущем. Как и многие дети в «Семье», я ощущала безнадежность, считая, что наша судьба предопределена. Ходить в школу было необязательно, так как зачем нам образование, если мы собирались умереть?

Во время нашего интервью вы спросили: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?»

Для меня этот вопрос был словно дверь в другой мир, в мир, где у меня была возможность стать кем-то.

Я хотела сказать вам спасибо с тех пор, как мне было десять, – простите, что смогла найти вас только сейчас.

Бекси

Он ответил через час. «Почему бы тебе не приехать в Гринакрс в этот уикенд?»

* * *

Селина держит меня за руку. Чувствует ли она, как я нервничаю? Она мягко улыбается.

– Что бы ни произошло, это будет чистая магия, – говорит она.

Мы приближаемся к подъезду, и происходящее немедленно превращается в сцену из романтической комедии, против которой я только что так страстно возражала. К нам с лаем выскакивают собаки в сопровождении возбужденно машущей женщины с пышными волосами с проседью, одетой в яркий комбинезон. На плече женщины сидит какаду-зонтик, – похоже, он тоже нам очень рад.

– Привет, мам! – говорит Зак.

Затем я замечаю его. Он стоит на пороге дома, с кружкой в руках. Он высокий и худой, у него чуть меньше волос, чем я помню, но он абсолютно узнаваем.

Мой «гардиан».

Собаки лижут нам руки и лица, все расточают друг другу объятия, отовсюду слышится восторженный визг. Какаду каким-то образом оказывается у меня на плече. Дот, мама Зака, поворачивается ко мне: «Ну что, иди поздоровайся с ним».

Я направляюсь к нему. Он обращается ко мне голосом, который я слышала тысячу раз во сне с тех пор, как мне было десять.

Он говорит:

– Привет, Бекси. Добро пожаловать в Гринакрс.

За кухонным столом наливают кружки с чаем, разговоры накладываются друг на друга, собаки торчат под столом, надеясь на объедки. Я знаю, что говорю что-то – я слышу свой голос, но не уверена, что понимаю, что именно он произносит. Нервная энергия переполняет меня, все тело звенит. Я чувствую себя так, словно попала в другой мир.

Их мир.

Их мир, с его холмистыми полями, дикими лошадьми, спасенными попугаями и бостон-терьерами. Здесь я моментально чувствую, что могу скинуть обувь, сделать себе кофе и болтать о чем захочу. Тут никому ничего не запрещают.

Я знакомлюсь со всеми попугаями, живущими в Гринакрс, в мини-святилище, устроенном для них Дот. Узнаю печальные истории о том, что с ними было, прежде чем Дот спасла их и привезла сюда, где заботится о них. Я страшно влюбляюсь в попугаиху по имени Бэби. Когда начинаешь петь Happy Birthday, она танцует. Бэби отрезали крылья какие-то мальчишки, но она все равно счастливая какаду-зонтик и, кажется, не осознает, что ей чего-то не хватает, хоть и нуждается в уходе больше, чем другие. Весь уикенд Бэби проводит у меня на плече.

Уолтер и Дот живут счастливо. Их фотоальбомы полны снимков, на которых они изображены живущими в нудистских колониях, на французских фермах и путешествующими по всему миру. На столе лежит книга, которую они написали вместе, – о том, как жить спокойно и мирно. Они своеобразные. Странные. Задумчивые и открытые новому. Мы с ними совершаем долгие прогулки и пьем слишком много кофе, валяемся рядом и смотрим телевизор. Я чувствую себя дома.

За ужином Уолтер говорит:

– Так что ты собираешься с этим делать?

– С чем? – спрашиваю я.

– Со своим опытом, – отвечает он.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты через столько всего прошла, видела вещи, которых, возможно, некоторые из нас никогда не увидят, жила жизнью за пределами «нормы», – что ты собираешься делать со всем этим?

– Она не должна ничего с этим делать, – вмешивается Дот.

– Ну, я начала писать… – бормочу я.

– Правда?

– Да… Это в основном черная комедия, короткие истории, развлекательные.

Уолтер выглядит сбитым с толку:

– Моя дорогая, из того, что я понял… ну… это было и есть… не то чтобы развлекательно.

Посмотрев на меня, Дот говорит – возможно, пытаясь прийти мне на помощь:

– Что насчет твоих сестер и братьев? Они ушли оттуда?

– Большая часть.

Интересно, выдает ли ответ мою грусть.

– А, – отзывается Дот.

– Те, кто все еще там, слишком малы, чтобы уйти. Они в порядке, это уже не та группа… я хочу сказать, это сложно. Группа столько раз изменялась. Сейчас это скорее христианская коммуна, чем культ, – надеюсь, что так. Я имею в виду, будь они в той же ситуации, что и я, я бы их всех похитила, – заключаю я с напускной храбростью, которую не вполне чувствую.

– Тебе не стоит считать себя виноватой, – говорит Дот, – за то, что ты ушла… Ты можешь гордиться собой. Ты очень смелая.

Я смущена.

– Спокойной ночи, – говорит Уолтер, кладя руку Дот на плечо.

Возможно, он тоже смущен, а может, ему за меня стыдно.

* * *

Я ложусь, но сплю недолго.

Знакомая пощечина.

Я смотрю на экран телефона: 2:56.

Класс, – думаю я.

Перебравшись через теплое тело спящей Селины, я иду в гостиную.

Мой бог, мне было так неловко сегодня вечером. И, наверное, я смутила других своими рассказами обо всей той хрени. Когда смотришь на это, обсуждаешь и препарируешь его, возникает ощущение, что ты, твою мать, барахтаешься в грязи. Мерзость какая. Не очень-то в моем стиле. Гадко, вот. Мне не нужно проходить через все то дерьмо еще раз, не так ли? Я та, кто я есть, вопреки группе, не благодаря ей. И все же вот она я, среди ночи, беззащитная, и мне никуда не скрыться от этого. В мозгу все грохочет. Взяв ручку, я принимаюсь писать.

Я не сплю какое-то время и думаю о прошлом вечере. Странная смесь чувств… Часть из них теплые. Это был милый вечер с двумя очень умными пожилыми людьми. Но я также немного расстроена, не знаю, мне кажется, я слегка облажалась.

После того как Уолтер пошел спать, разговор переключился на меня. Мы часа два говорили только обо мне. Целую вечность. Я чувствовала себя некомфортно, странно, как будто я ношусь со своими проблемами.

Мы затронули тему ухода из «Детей Бога», того, что я делала потом, и тему «вины выжившего». Я знаю, что меня мучает «вина выжившего», потому что, сидя здесь и записывая то, что чувствую, я заглушаю боль, которая так отчаянно

рвется наружу. Я держу ее внутри, потому что боюсь, что если выпущу ее, то не смогу остановить. Боль захлестнет меня, и я утону в ней.

Я просто большой чертов младенец.

Любой готов найти для меня теплые слова: «Ты должна отделить себя от группы, или ты никогда не избавишься от нее», «тебе пришлось разорвать связи, чтобы раскрыть себя», «если бы ты проводила все время, общаясь с ними, ты разрушила бы себя». Часть меня знает, что все это правда. Часть считает, что я веду реально непостоянную и легкомысленную жизнь, бегаю по вечеринкам, тогда как мои братья и сестры застряли в религиозной группе. Я стараюсь притупить чувство вины, говоря себе, что они состоят в облегченной версии секты, в которой росла я. Но пока я здесь, снаружи, «раскрывала» себя, у меня оставались сестры в группе, по-прежнему подвергавшиеся насилию, братья, которых наши родители бросили в маленьком городке. А на самого младшего вообще не обращали внимания, поскольку он не мог говорить.

Я стараюсь отделить себя от группы, но они все еще там. И я осознаю, что, в определенном смысле, – и я тоже.

Когда речь идет о подавлении травмы, вам кажется, что вы сами решаете, стоит ли разбираться с ней или когда это сделать, но, случается, она просто решает за вас.

Я должна разобраться со своим дерьмом… Прежде чем оно разберется со мной.

* * *

Я покидаю Гринакрс взволнованной. То, как я связана с Уолтером, волшебно и странно. Меня поражает не только очарование этой связи, но и то, что я чувствую из-за нее.

Голос не перестает звучать в моей голове. Он спрашивает снова и снова:

«Что ты собираешься делать с этим?»

«Что ты собираешься делать с этим?»

«Что ты собираешься делать с этим?»

Меня переполняет непреодолимое желание сделать что-то с моим прошлым, и более, чем когда-либо, меня переполняют вопросы. У меня словно нет выбора. В определенном смысле пребывание в Гринакрсе встряхнуло меня и заставило проснуться.

Я принимаюсь думать о том, что оставляю позади. Мою работу. Мой дом, подаривший мне безопасность, которой я всегда жаждала. Моих друзей. Мою семью. Весь мой мир, который я так долго строила.

Страх и возбуждение обрушиваются на меня при мысли, что я собираюсь вернуться в места, куда обещала себе не возвращаться никогда. Что мне, возможно, придется увидеть себя в пугающем свете. Что мне может понадобиться задать вопросы, ответы на которые я не захочу услышать. Что это может быть устрашающе, душераздирающе, возможно, иногда даже отвратительно.

И что, возможно, сейчас я стою у начала самого страшного и грандиозного приключения в своей жизни.

Если я хочу сделать это правильно, мне нужно отправиться на родину культов. Обратно туда, где все это началось.

Вернуться к корням нашей группы, туда, где находится точка отсчета, причина того, почему я родилась в этом мире коммун, отчужденности, Моисея Дэвида и Армагеддона.

Вернуться в Америку.

3

Не могу дышать: 7 лет до

– Залезай в фургон. БЫСТРО!

Я чувствую его руку сзади на шее, он толкает меня к боковой двери.

– Я СКАЗАЛ, БЫСТРО! – громкий папин голос дрожит; адреналин из него так и хлещет. Моя голова замотана, я ничего не вижу. Ощущаю под коленями металлический пол фургона, и машина, подпрыгнув, трогается. Меня швыряет назад, протянув по полу, пока папа набирает скорость на улицах Лондона.

– Как ты думаешь, как они нас нашли? – слышу я; это мама.

– Заткнись, Рэйчел, и дай мне вести машину.

Раздается вой клаксона, колеса цепляются за дорогу, отрываются от нее. Пол фургона остро пахнет жженой резиной. Я отодвигаю намотанный на лицо шарф, чтобы осмотреться, и беру за руку мою сестру Кейт. Она сидит на полу рядом со мной. Несколькими мгновениями ранее Кейт волокла к фургону наших младших брата и сестру. Она смотрит прямо перед собой стальным взглядом. Если она и напугана, то не подает виду. Кейт тринадцать, и ни следа от ребенка, которым она когда-то была, в ней не осталось.

Мне восемь лет, а в бега мы ударяемся второй раз за несколько месяцев. И второй раз одну из наших коммун обнаружили. Это не может быть совпадением, между двумя случаями должна быть связь. Кто-то должен был рассказать нашим преследователям, где мы живем.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на сестру, и вижу, что Кейт закусила губу – думаю, скорее из-за попытки сохранить равновесие в бросающейся из стороны в сторону машине, нежели от страха. Последний раз подобное происходило месяца четыре назад, из-за мальчика, понравившегося Кейт в «Доме подростков». Тот мальчик подверг нас опасности.

«Дом подростков» – большое старое здание посреди пустыни, полное «переквалифицированных» подростков. Предполагалось, что они станут более сильными и покорными последователями Моисея Дэвида, лучшими солдатами Последних времен – семи лет битв, бегства и мученичества, в которые мы, дети, были избраны Богом сражаться и умереть.

Когда произошла та история, мы уже очень давно не жили в «Доме подростков». Однажды днем я увидела, что Кейт лежит на маминой кровати и плачет. Кейт задернула шторы, чтобы свет не попадал в комнату. Я застыла на пороге. Никогда не видела свою сестру такой; с тех пор как мы покинули Африку, я не замечала на лице Кейт ни одной настоящей эмоции. Я не могла спросить ее, почему она плачет – когда видишь такое сильное отчаяние, просто позволяешь ему выплеснуться. Потом я узнала, что тот мальчик, который ей нравился, Соломон, сбежал. Он пытался пересечь границу, предъявив таможенникам фотокопию паспорта. Не представляю, как ему удалось так далеко зайти, ему было всего четырнадцать. Я подслушала, как взрослые потихоньку обсуждали это, – их голоса были очень серьезны. Если полицейские остановят нелегально путешествующего ребенка, их появление у нас будет лишь вопросом времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дэвид Кореш – американский религиозный деятель, лидер секты «Ветвь Давидова». Погиб в 1993 году во время осады поместья «Маунт Кармел» агентами ФБР. (Здесь и далее – прим. ред.)

2

«Eve of Destruction» – протестная песня, написанная в 1964 году, в которой упоминаются социальные проблемы того времени: война во Вьетнаме, угроза ядерной войны, Движение за гражданские права чернокожих, беспорядки на Ближнем Востоке и американская космическая программа. Известна в исполнении Барри Макгуайра (англ. Barry McGuire).

3

«Сила цветов» – метод молодежного уличного протеста, родившийся в 1965–1966 годах под влиянием работ Аллена Гинзберга. В конце 1966 года вылился в протестные акции «партизанского театра», использовавшего для выступлений на митингах цветы и призывавшего к единству и любви.

4

Скиния – в основном употребляется в значении походного храма евреев, скинии собрания, использовавшегося, согласно Библии, как место принесения жертвоприношений и хранения ковчега завета до постройки иерусалимского храма, созданного строго по образу скинии.

5

Мф. 4:20. Все цитаты из Библии даны в синодальном переводе.

6

Лк. 14:33.

7

Речь идет о так называемой глоссолалии. Глоссолалия как религиозная практика отсылает к «Дару языков» – одному из девяти даров Святого Духа, упоминаемых в Евангелиях. В раннем христианстве, в некоторых первобытных религиях и Новых религиозных движениях (в том числе у харизматов и пятидесятников) использовалась как молитвенная, проповедническая и богослужебная практика.

8

Эббот Говард «Эбби» Хоффман (1936–1989) – американский левый активист, основатель международной партии молодежи (йиппи).

9

Мф. 4:19.

10

Системит – в терминологии верований «Детей Бога» – человек из внешнего мира, часть «системы», полностью подчиненный ей и поглощенный ею.

Купить: https://tellnovel.com/kemeron_beksi/sekta-neveroyatnaya-istoriya-devushki-sbezhavshey-iz-seks-kul-ta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити